

Ассоциация этнографов и антропологов России

Институт этнологии и антропологии РАН

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

при участии

Санкт-Петербургского государственного университета

Российского этнографического музея

Европейского университета в Санкт-Петербурге

VI

КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ

Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург 2005

РЕДКОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин, М.А. Ильина, Е.А. Михайлова,
Е.А. Резван, М.Е. Резван, В.А. Тишков, Ю.К. Чистов (отв. редактор)

К64 VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 532 с.

ISBN 5-88431-116-8

Сборник составлен по материалам, представленным к VI Конгрессу этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.). На пленарных и секционных заседаниях конгресса, а также в ходе работы симпозиумов и круглых столов будут обсуждаться итоги новейших исследований в области физической, социально-культурной, юридической, политической, медицинской, городской, визуальной антропологии, в области этнографического музееведения и прикладных неотложных исследований. Главная тема Конгресса «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» на протяжении 2003–2005 гг. была темой междисциплинарного комплексного исследования более чем 30 научных институтов и ряда университетских центров России. VI Конгресс этнографов и антропологов России – важный этап подведения итогов этой научной программы.

Данная тема представляется весьма актуальной для Урало-Поволжского региона в связи с чересполосным и смешанным проживанием представителей разных народов во многих частях региона. При этом по степени этнической мозаичности особенно выделяется территория Республики Башкортостан, а также некоторые районы соседних с ней областей и республик. Можно говорить о разнообразии ситуаций татарско-башкирского, чувашско-татарского, удмуртско-тюркского и марийско-тюркского взаимодействий и результатов таких взаимодействий.

Таким образом, территория Южного Приуралья представляет собой редкое исследовательское поле, дающее возможность изучать характер и закономерности процессов межэтнических взаимодействий и выявлять факторы, влияющие на их разнообразие. При этом наиболее продуктивным представляется одновременное участие в исследованиях такого рода специалистов по разным народам, что, помимо всего, будет также способствовать преодолению относительной изолированности коллег, работающих в разных республиканских и областных центрах.

*Кулишов Д.Н.
Уфа*

ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР СНГ: МИГРАЦИИ И ВРЕМЕННЫЕ СООБЩЕСТВА

Миграции населения, захлестнувшие постсоветское пространство (далее – ПСП), стали фактором глубинных изменений в национальном и демографическом развитии населения как России, так и всех республик бывшего СССР. Эти изменения, на наш взгляд, имеют долгосрочный характер и еще длительное время будут определять особенности социально-демографических процессов на вышеуказанной территории.

По данным социологов, уровень рождаемости в России находится ниже уровня простого воспроизводства, причем смертность выше рождаемости. Единственный ресурс воспроизводства населения – миграция. В этих условиях необходимо изучение миграционных процессов, которое позволяет выявить ценный опыт в области государственного реагирования и регулирования организованных и неорганизованных переселений.

Большой интерес для исследователя представляет тюрко-мусульманский регион бывшего СССР, особенно современные миграционные тенденции в пределах круга – Башкирия, Татария, Казахстан и Узбекистан. Башкортостан и Татарстан являются выгодной площадкой для переселений мигрантов из СНГ (как временных, так и постоянных) вследствие языковой, религиозной и территориальной близости. Вместе с тем в советский период Казахстан и Узбекистан были, пожалуй, одними из главных объектов миграций населения автономий Урало-Поволжья. Так или

иначе, взаимосвязанность и современные тенденции этих процессов должны быть предметом обстоятельного научного анализа.

*Макаров Л.Д.
Ижевск*

МИХАЙЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКОМПЛЕКСИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

Михайловский могильник – первый некрополь Ижевска, существовавший полвека (1760–1810 гг.). После пожара 1810 г. кладбище было устроено в другом месте, а на запустевшем месте в 1855 г. сначала была построена Михайловская часовня, а в 1897 г. заложена Михайло-Архангельская церковь (с 1925 г. – Свято-Михайловский собор), снесенная в 1937 г. (наземная часть) и в 1947 г. или 1948 г. (цокольный этаж). В связи с решением о возрождении храма на прежнем месте в 1996, 2001, 2003 и 2004 гг. проведены археологические исследования. Удалось изучить остатки 42-х православных погребений, расположенных в 17-ти рядах. При этом в 40 могилах обнаружены 4 разновидности усыпальниц: 1) дощатые гробовища, сколоченные железными гвоздями (62,5%) – «никонианские» домовины; 2) гробовища, скрепленные органикой (предположительно – деревянными гвоздями или клиньями либо лыковыми (черемуховыми) веревками (12,5%) – старообрядческие сооружения; 3) колоды, выдолбленные из цельных стволов деревьев (17,5%) – архаичный русский способ погребения, сохранившийся старообрядцами, но известный и у язычников-пермяк; 4) коконы из луба, коры или бересты (7,5%), хорошо известные у удмуртов, но недавно выявленные и у русских Прикамья (Зуевскопечевской III могильник). В трех случаях гробовища были перекрыты дощатыми полами, один раз – плитками песчаника. Помимо крестов-тельников, обнаруженных почти в каждом захоронении, в 5-ти могилах найдены единичные украшения (гирьковидные подвески, серьги, височная подвеска, две медные монеты, остатки волонового убора-кокошника), что можно расценить как своеобразную дань языческим традициям. Отмеченные особенности органично детализируют сведения как по этническому составу Ижевска (по данным 1854 г. здесь проживали 95,4% русских, 2% удмуртов, 2,1% татар, 0,2% евреев, 0,3% иностранцев), так и по его конфессиональной принадлежности (94,7% «никониан», 2,1% старообрядцев и единоверцев, 0,5% католиков и лютеран, 2,2% мусульман, 0,4% иудеев). Естественно, мусульман и иудеев хоронили на своих кладбищах, а вот представители христианских церквей могли найти упокоение на едином некрополе. Однако в материалах Михайловского могильника «чистых» комплексов немного, зато немало признаков смешения традиций («никонианства», старообрядчества, славянского и удмуртского язычества).